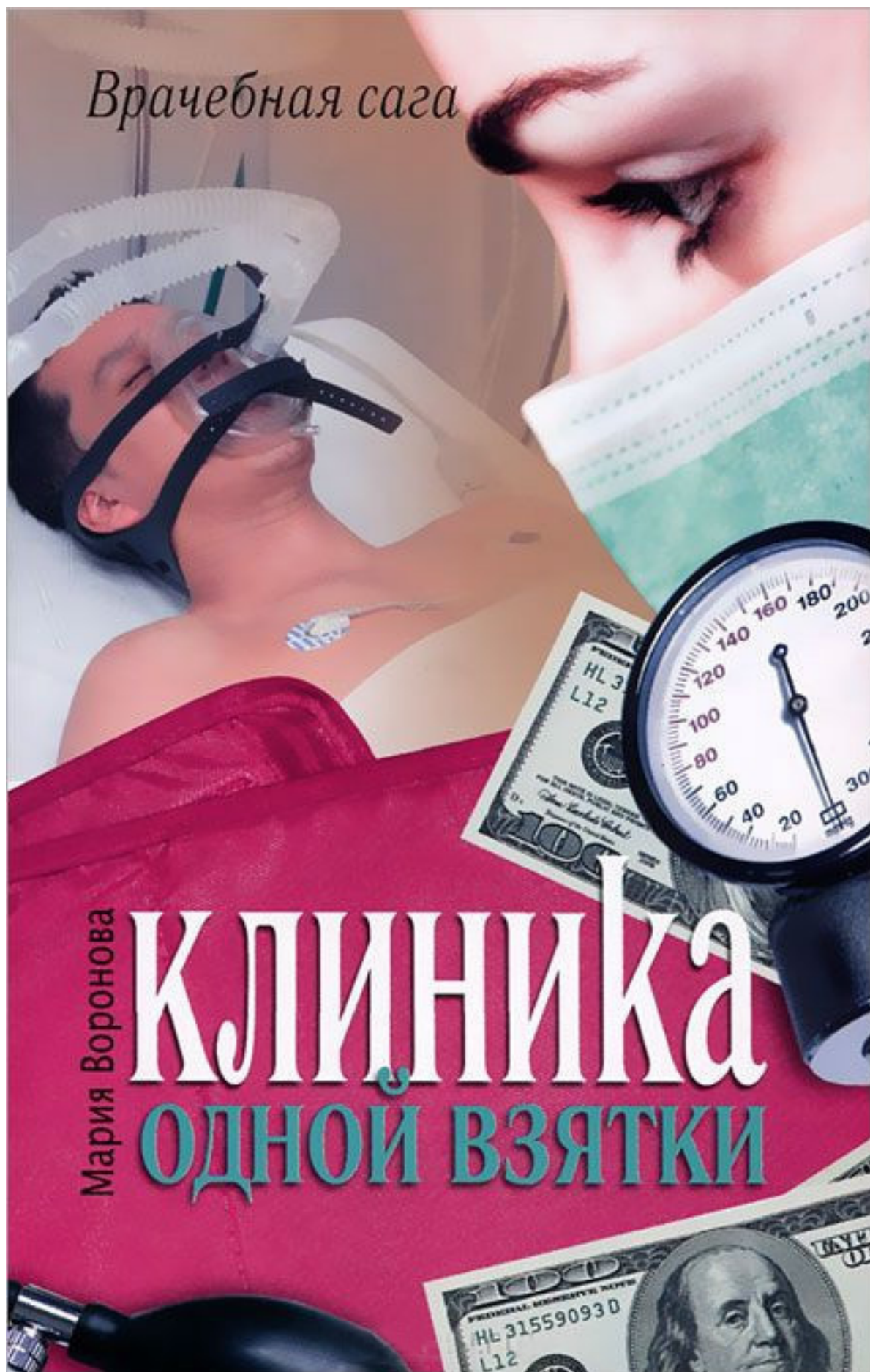

Врачебная сага

Мария Воронова

Клиника одной взятки

Врачебная сага

Мария Воронова

Клиника одной взятки

«Автор»

2011

Воронова М. В.

Клиника одной взятки / М. В. Воронова — «Автор»,
2011 — (Врачебная сага)

Новый роман Марии Вороновой. Он посвящен теме, актуальнее которой, наверное, нет. Героиня «Клиники одной взятки» – лучший в городе хирург-флеболог. Деньги за операции, которые она получает от больных в конвертах, – главный источник доходов молодой женщины. Кто-то из коллег осуждает ее, кто-то ей завидует. Но никто не знает, какой крутой поворот совершит однажды судьба героини. Проклятия корыстолюбивым медикам давно уже звучат с экранов телевизоров, сыплются со страниц СМИ. Когда же, наконец, российская медицина повернется лицом к больному? Читателям наверняка будет интересно узнать, как относится к этой проблеме Мария Воронова – оперирующий хирург, кандидат медицинских наук.

© Воронова М. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мария Воронова

Клиника одной взятки

*Все события, описанные в романе, являются вымыслом автора.
Автор не несет ответственности за их совпадения с реальностью.*

Глава первая

Закрыв гараж, Вика на секунду остановилась и с удовольствием окинула взглядом свои владения. Маленький, но уютный сад, в нем каждый розовый куст растет там, где она ему назначила расти, а цветы на клумбах распускаются дисциплинированно и пышно, в полном соответствии с требованиями хозяйки. Еще более радовал глаз дом, пусть небольшой, всего два этажа, но такой милый, будто он перенесся сюда напрямиком из сказок братьев Grimm. Так оно, строго говоря, и было. В детстве Вика обожала разглядывать картинки в старинной, дореволюционного издания, книжке сказок и мечтала пожить в таком вот сказочном домике. Она рассказала об этом архитектору, и тот понял. Так детские мечты стали реальностью.

И это все мое! Радость собственницы еще не успела ей приесться. Особенно грела душу мысль, что все это: и домик-пряник, и гараж, и блестящий, словно пасхальное яичко, «ниссан микра» – все, до последней гайки в моторе любимой машинки, заработано собственным трудом. И даже муж, любимый и любящий красавец Андрей, тоже в каком-то смысле... заработан.

В прихожей Вика небрежно бросила куртку на комод. Андрей приедет только в пятницу, а сама она легкий беспорядок как-нибудь перетерпит.

Приняв душ, Вика закуталась в махровый халат и устроилась в гостиной перед телевизором. «Господи, как я люблю свой домик, – с нежностью подумала она. – Обожаю каждую розочку на обоях, каждую табуретку, а от ванной в японском стиле просто балдею! Сколько сил потрачено на строительство и отделку, сколько мозолей натерто в утомительной ходьбе по строительным магазинам, но зато я получила все, что хотела!»

И это с полным основанием можно было отнести ко всей ее жизни. В двадцать девять лет она имела прекрасную семью, интересную работу, дом, достаток... И прошлое. Трудное прошлое, с мозолями, потом и слезами. Но это было достойное прошлое, благодаря которому Вика ценила то, что имела теперь.

Она зашла на кухню – взять какой-нибудь еды. Готовить она терпеть не могла, и, слава богу, эту женскую повинность приходилось исполнять только с вечера пятницы по утро понедельника. Андрей работал в городе, и оба решили, что ежедневно наматывать по восемьдесят километров в один конец слишком утомительно, так что на неделе муж ночевал в городской квартире. Зато они не надоедали друг другу, в семейной жизни сохранялась нотка праздника, едва уловимый аромат первого свидания, радость встречи и легкая грусть от недолгой разлуки.

Вика окончила институт с красным дипломом, легко могла устроиться в Петербурге, но поставила на область и не проиграла. Кем бы она была в городе? Обычным врачом. Пусть даже в престижной клинике, но в двадцать девять лет она оставалась бы девочкой на побегушках. И чем солиднее учреждение, тем дольше бы ее держали в этой роли. А здесь, в этом небольшом городке, она единственный флеболог¹. У нее имя и безупречная репутация, она может работать где хочет и сколько захочет. Она ведущий специалист клиники «Гиппократ» (не важно, что вся клиника состоит из нее, главного врача, терапевта и трех медсестер), имеет полставки

¹ Флеболог – специалист по заболеваниям вен. – Здесь и далее примечание автора.

консультанта в городской больнице и еще полставки в поликлинике. У нее минимум одна операция в день, а консультаций и процедур – без счета.

Этот городок Вика выбрала не только потому, что он расположен близко от Петербурга, и не потому, что в нем находится предприятие общероссийского значения, а значит, народ живет в целом состоятельный. В окрестностях городка у мужа был земельный участок, доставшийся ему по наследству, а Вика всегда мечтала о загородном доме. Никакая квартира, пусть даже с видом на Эрмитаж, пусть десятикомнатная с пятиметровыми потолками, не заставила бы ее похоронить мечту о собственном особнячке.

Она сразу стала хорошо зарабатывать, муж тоже получал вполне прилично. Вика истово откладывала каждую копейку, выгадывала на всем, даже на еде. Андрей, посмеиваясь, называл ее Кум Тыква, но, так или иначе, через год у Вики скопилась достаточная сумма, чтобы начать строительство. Было трудно. Денег потребовалось почти в два раза больше, чем она планировала, дом, как черная дыра, засасывал все, что ей удавалось заработать. Жили на деньги Андрея, точнее, на их половину – вторая половина уходила в ненасытное нутро его стоматологической клиники. Муж все время расширял бизнес, надеясь со временем создать крупную сеть с брендом. Финансовых вливаний со стороны ждать не приходилось. Викины родители, в юности избрав карьеру научных работников, всю жизнь балансировали на грани нищеты. Отец Андрея был, напротив, состоятельным человеком, но он не субсидировал молодую семью из идейных соображений. Для него, крупного чиновника мэрии, почти небожителя, брак сына с девушкой «из народа» был ударом. Он прочил Андрею совсем другую партию. Вика потом познакомилась с этой «партией» на одном из семейно-корпоративно-дружеских сборищ. Ира, яркая девица, многократно приумножившая природную красоту с помощью фитнеса и дорогого косметолога, оказалась очень приятной и неглупой. Вика даже специально спустилась в туалетную комнату – посмотреться в большое зеркало: что же в ней самой такого удивительного, что побудило Андрея, человека мягкого и даже застенчивого, твердо противостоять воле отца и предпочесть ее такой достойной невесте? Ответ подсказал полный нежности взгляд мужа – он очень сильно любит ее, и ему не нужна никакая женщина, если это не Вика...

Николаю Петровичу пришлось смириться с таким неприятным прибавлением семейства. Поначалу он относился к Вике холодно, но видя, как она учится и работает, стал выказывать невестке что-то вроде уважения и обещал «сделать из нее человека». Викино желание трудиться практическим врачом было ему непонятно, но, предложив ей однажды завидное место чиновника в комитете по здравоохранению и получив отказ, Николай Петрович больше не навязывал своих услуг строптивой невестке.

В отношении молодой семьи он занимал мудрую и вполне справедливую позицию: мне хочется для вас такого-то будущего, и если вы согласны с моими планами, я буду вам помогать. Если же вы, непослушные, строите планы, не соответствующие моим, будьте любезны реализовывать эти планы самостоятельно. И скажите спасибо, что я вам не мешаю.

Вика была рада заявленному нейтралитету. Ей нравилось всего добиваться самой, нравилось, что они с Андреем не зависят от воли его всесильного отца. Но в то же время сознание, кто такой ее свекор, приятно грело душу. Так человек с удовольствием вспоминает о кругленьком счете в банке, даже если не пользуется им и не снимает процентов.

...Возвращаясь в гостиную с бутылочкой йогурта, Вика не отказала себе в удовольствии подняться на второй этаж, где еще ждали своего часа две спальни и гардеробная – денег на их отделку пока не было. Нужно взять кредит, подумала она, проведя ладонью по голой кирпичной стене. Пять лет возни – пора бы и закончить.

Все время поджиматься надоело, к тому же финансовая политика Вики последнее время становилась причиной... нет, не скандалов, конечно, но мелких стычек между супругами. Не то чтобы они не могли поделить деньги, просто сказывалась разница темпераментов. Вика – натура целеустремленная, волевая, готовая ради исполнения главного своего желания стиснуть

зубы и подавить желания неглавные. Андрей поспокойнее, любит жить сегодняшним днем и не понимает иногда, почему нужно отказаться от новых ботинок.

Отделав и обставив первый этаж, супруги позволили себе годичную передышку. Они досрочно выплатили кредит, Вика получила права и купила машину. Да и вообще они немного расслабились, позволяя себе милые маленькие удовольствия, и Вика с болью понимала, что все больше и больше денег утекает между пальцами. Нужно собрать волю в кулак, решила она. Доделать дом, поставить точку и перейти к следующему этапу семейной жизни – ребенку.

Вика хотела детей, радовалась, что ей предстоит иметь их от Андрея, но считала, что это слишком ответственное дело, чтобы пускать его на волю случая. Матерью она собиралась стать такой же ответственной, как женой и доктором. Значит, сидеть с ребенком придется как минимум три года, да и потом она не сможет отдаваться работе так, как сейчас. Конечно, Андрей хорошо зарабатывает, но лучше, чтобы у них к моменту рождения ребенка была устойчивая материальная база.

Она растянулась на диване и закрыла глаза. Бормотание телевизора всегда хорошо ее усыпляло. Шли новости, диктор бубнил что-то о борьбе с коррупцией.

Коррупция, коррупция, вяло подумалось Вике, смешно слушать. Власть против коррупции, а пчелы против меда. Недаром говорят, хочешь изменить мир – начни с себя. Вот если все эти борцы чистосердечно покаются и добровольно сядут в тюрьму, может, что-нибудь изменится. И то вряд ли. Всех все устраивает. Ты платишь, твою проблему решают быстро и качественно, что в этом плохого? Прибыли без вложений не бывает. Придумали народу забаву. Пусть борется с негодями взяточниками, не отвлекаясь на то, как власть имущие набивают свои карманы. Им взятки вымогать не надо, они все получают и так.

Да и кто воспринимает всерьез эти призывы? Викин непосредственный начальник, Леха Балахонов, просмотрев какую-то оголтелую передачу, где главными коррупционерами страны назывались врачи, отреагировал однозначно: притащил из дома трехлитровую банку, написал на ней черным маркером «Взяткоемкость» и водрузил на свой письменный стол. Коллеги иногда бросали туда по рублику, а потом банку приспособили под вазу для цветов.

Тут Викины ленивые мысли были прерваны напористым телефонным звонком. Наверняка Леха. Его вызовы всегда звучали как-то особенно бесцеремонно и нахально.

– Виктория, ты что делаешь?

– Привет, Леша. Как говорится, легок на поминках.

– А?

– Я только что о тебе подумала, ты и звонишь.

– Тогда нужно говорить: вспомнишь дурака, он и появится, – блеснул Балахонов знанием фольклора.

Вика вздохнула:

– Короче, что надо?

– Как обычно, Родина требует от тебя подвига. Тромб из ноги дернешь?

– Ты с родственниками говорил?

– Говорил.

Голос Балахонова звучал слишком уверенно.

– Точно говорил?

– Да точно, точно, подгребай давай.

Вздыхнув, Вика потянулась за джинсами. Неугомонный Балахонов постоянно находил для нее работу, вызывал на случаи, связанные с сосудистой патологией, в любое время дня и ночи. Сколько Вика ни пыталась объяснить ему, что хорошо бы ограничиться рамками ее рабочего времени, все было бесполезно. Леха был ей как бы другом, как бы любил ее и уважал, но не чурался шантажа. «Зачем мне нужен консультант, который не консультирует?» – патетически вопрошал он, намекая, что, как заведующий отделением больницы, может и уво-

лить. А работа в больнице была Вике очень нужна, именно там ее карман наполнялся живыми деньгами.

* * *

Пока она ехала, больного уже доставили в операционную. Родственники ей не встретились. Оставалось надеяться, что Балахонов все же провел с ними беседу и она приехала не зря.

Операционная сестра захлопотала вокруг нее – Вика пользовалась не просто любовью, а обожанием сестер, ибо всегда делилась гонораром за операцию. Балахонов и второй хирург отделения тоже не жадничали, но гонораров у них было на порядок меньше, чем у Вики. Не умели работать с больными.

Она немного волновалась, все же операции на артериях не ее специальность. По правилам больного полагалось отправлять в сосудистый центр, но прооперировать самим было гораздо проще и быстрее, чем висеть на телефоне, бесконечно согласовывая операцию то с заведующим центром, то со страховой компанией. Сотрудники центра капризничали, не хотели брать больных, требовали гарантий оплаты, потом нужно было еще найти транспорт, и в этих дрызгах время могло быть безнадежно упущено.

У нее все получилось. Вика сразу вышла на бедренную артерию, зонд не подвел, не порвался в самый ответственный момент, и через двадцать минут кровоток в ноге был восстановлен. Через полчаса Вика наложила последний шов на рану.

– Всем спасибо. – Она красивым жестом швырнула перчатки в таз и, выслушав дежурную порцию комплиментов своей манере оперировать, отправилась в ординаторскую.

Распечатав протокол операции, Вика вышла в Интернет проверить почту. Она не особенно любила блуждать во Всемирной паутине, считая это уделом людей одиноких и несостоявшихся. Следуя моде, зарегистрировалась в «Одноклассниках», но ее не покидало ощущение какой-то натужной парадности, фальшивого лоска, с которым ее бывшие приятели и приятельницы пытались убедить всех, а в первую очередь, наверное, самих себя, что жизнь удалась. В «Одноклассниках» были представлены глянцево-рекламные версии их жизней, и Вике это быстро надоело.

Через «Одноклассников» ее нашел Сергей Дайнега, бывший однокурсник, первая любовь и ошибка молодости. Расстались они трудно, со скандалом, и Вика была уверена, что Сергей ненавидит ее, но время, судя по всему, залечило его раны. Вот уже год, как они состояли в дружеской, ни к чему не обязывающей переписке. Поначалу Вика изучала письма бывшего возлюбленного, пытаясь найти в них тайные доказательства того, что он все еще ее любит, но потом поняла – что было, то прошло. И любовь, наверное, прошла быстрее, чем обида. Сергей – человек прямой, как шпала, он никогда не умел скрывать своих чувств.

Она ввела пароль своего ящика. Ага, одно новое сообщение. Будем надеяться, от Дайнеги, а не какая-нибудь дурацкая реклама.

«Дорогая Вика! Рад, что у тебя все хорошо. Пришли свое фото на фоне новой машинки. У меня тоже все в порядке, подал документы на майора. Восемнадцатого уйду в моря, отвечать на твои письма не смогу, но ты мне пиши, когда будет настроение. Вернусь через шесть недель, отвечу на все. Удачи».

Дайнега почему-то никогда не подписывался. Скупое сообщение, но для немногословного Сереги и этого много.

Вика быстро отстучала такой же нейтральный ответ – особенных новостей нет, жизнь идет по плану, семь футов под килем.

Странно... Он давно ее разлюбил, она никогда его и не любила, но почему-то ждет его писем.

В дверь деликатно постучали.

Мужчина средних лет с вдохновенно-встревоженным лицом отрекомендовался сыном ее сегодняшнего пациента.

– Как прошла операция, доктор?

Состроив сочувственно-озабоченную мину, Вика принялась рассказывать. Как водится, немножко приукрасила: доктор не просто работал, а боролся и победил.

– Огромное спасибо. – Мужчина протянул ей пакет.

– Что это? – Обычно огромное спасибо выглядело несколько иначе. Как в докторской поговорке: «Большое спасибо в маленьком конвертике».

Она бесцеремонно заглянула в пакет с логотипом дешевого супермаркета. В нем был вафельный торт. Ай да Балахонов, ай да поговорил с родственниками! А теперь поздно. Как говорится, услуга, которая уже оказана, ничего не стоит.

– Заберите, я такую дрянь не ем.

Балахонова она нашла в приемном отделении. Он пил чай в компании сестер.

– Алексей Михайлович, можно вас на минутку? – грозно спросила она. – Леша, ты же сказал, что говорил с родственниками!

– Ну... – Балахонов пожал плечами и в тоске покосился на дверь, которую Вика забаррикадировала собственным телом.

– И что же ты им сказал?

– Что-что... Что обычно. Тяжелый случай, обычно приводит к ампутации, но можно попытаться ногу сохранить. Специально вызвали из дома сосудистого хирурга, он сделает операцию.

– У тебя совесть есть вообще? А где фраза, что это очень дорогостоящая операция, нужны специальные инструменты и нитки, а страховая компания ничего этого не оплачивает? Ты что, первый раз замужем?

– Прости, язык не повернулся.

– Лешенька, я срываюсь с дивана по первому твоему звонку, в свое личное время на своей личной машине приезжаю, оперирую – и что получаю взамен? Сраный торт за сорок рублей! И то только потому, что дешевле просто не было! Объясни, на кой черт мне это нужно?

Балахонов тяжело вздохнул:

– Что получаешь? Нogu вот человеку спасла...

– А меня его нога не волнует! Я благотворительностью не увлекаюсь. Жизнь меня к ней как-то не приучила. Никто мне на личном примере не показал, как это здорово. За все, что у меня есть, я платила сполна.

Балахонов поморщился:

– Викуля, перестань базарить. Ты же врач, в конце концов.

– Началось в колхозе утро... Святая профессия, особые люди, клятва Гиппократата... Да какого черта, Леша! Он хочет ногу сохранить, а я хочу, к примеру, стиральную машину подключить. Я его желание кидаюсь выполнять, а он мое – фигушки! Пока денег не будет, он даже пальцем не шевельнет. И я могу хоть на пену изойти, хоть до второго пришествия доказывать ему, как мне нужна стиральная машина, без денег он в мою сторону даже не посмотрит. Я не могу сказать ему: «Дорогой, ты же особый человек святой профессии! Рыцарь разводного ключа и вантуза! Ты давал клятву Мойдодыра, так что вперед! А я тебя отблагодарю – тортиком».

– Ты сравнила, Вика. Все же разные вещи. Где нога, а где стиральная машина.

– Разница только одна. Если нога важнее стиральной машины, это значит, что я за спасение ноги должна получить больше, чем сантехник за подключение машины. Вот и все.

– Вика, а ты не забыла, что получаешь зарплату? Когда ты устраивалась на работу, тебя ознакомили и с ее размером, и с твоими должностными обязанностями. Ты согласилась добровольно, какие теперь претензии? В журнал я тебя записал, сверхурочные тебе оплатят. Что тебе еще надо?

Леха улыбнулся. Человек обманчиво мягкий, он безропотно сносил ее скандалы, но сбить его с курса было невозможно. Вика прекрасно знала, что ее пафосные речи – пустое сотрясение воздуха, но остановиться не могла.

– Послушай, Леша! Я с четырнадцати лет работала санитаркой, копила на взятку в институт. Никому ведь было не интересно, что я хочу учиться на врача, я должна была заплатить за свое желание. Уроки я делала ночами, зарабатывала себе золотую медаль. Потом в институте я в отличие от некоторых училась как проклятая и с первого курса занималась на кафедре флебологии. Знаешь, сколько статей я написала для тамошних доцентов? Не считаешь. К третьему курсу я уже могла самостоятельно оперировать, к окончанию института знала о венах все. Ты думаешь, меня оставили в аспирантуре?

Леха хмыкнул и достал из кармана мятую пачку дешевых сигарет.

– А зачем тебя оставлять в аспирантуре, коли ты и так все знаешь? Ученого учить – только портить.

– Леша, меня выкинули как щенка, плюнули на то, что я шесть лет служила им верой и правдой, и тупо взяли одного обормота, чьи родители не поскупились. Слава богу, я тогда была уже замужем, и свекор меня пристроил в ординатуру в МАПО².

– Да, плохо с тобой поступили. А ты поступай с людьми хорошо – и сделаешь мир лучше.

– Знаешь что? Я десять лет училась! Почему я должна получать, как кассирша из супермаркета?

Балахонов наконец закурил, и маленькая подсобка, где они ругались, сразу наполнилась вонючим дымом. Вика демонстративно закашлялась.

– Потому, что ты ведешь себя как кассирша из супермаркета, – буркнул Алексей.

– Ничего похожего! – взвилась Вика. – Просто я ценю свой труд. Чего и тебе желаю. Вместо того чтобы делать мир лучше, ты бы о собственных детях позаботился. Уверю тебя, благодаря твоим усилиям мир не станет настолько лучше, чтобы твоих девочек приняли в институт без взятки. Придется им ломиться в закрытую дверь, как я ломилась. Может быть, они, как я, дверь эту прошибут, но я никому такой судьбы не пожелаю.

Она хотела уйти на этой высокой ноте, но Балахонов удержал ее:

– Вика, я хочу спросить... Ты ненавидишь своих родителей за то, что они тебе не помогли?

Она рассмеялась, глядя, как вытянулась физиономия отца двух малолетних дочерей. Кажется, Алексей впервые задумался о зловещих перспективах, которые сулит детям честного человека наш суровый мир.

– Нет, что ты. Я папу с мамой люблю. Они, может, обеспечивали меня плохо, но воспитывали хорошо. Я должна им сказать спасибо за то, что я самостоятельный человек без всяких комплексов и неврозов.

– Да уж! Хоть ты и нахалка редкостная, но психика у тебя здоровая до изумления.

– Вот именно. А большинство наших ровесников мучаются от неврозов с депрессиями, нажитых в результате родительского воспитания. Хочешь знать почему?

– И почему?

² МАПО – Медицинская академия последипломного образования.

– Не смейся, я действительно думала об этом, я же будущая мать. Все дело в том, что воспитание детей – это труд. Такая же работа, как любая другая. А большинство родителей перекладывают обязанности воспитателя на самого ребенка и обращаются с этим воспитателем как взбалмошные и суровые работодатели.

– Да ну?

– Не «да ну»! Надо тебе, пожалуй, сходить на мастер-класс к моему папе. Он всегда говорил – нужно воспитывать ребенка не как тебе удобно, а как богу угодно. Ты, зная о моем нелегком пути в профессию, можешь подумать, что родители предоставили меня самой себе. Это не так. Они дали мне все, что могли, просто могли очень мало. И ты для своих детей ничего не сможешь сделать. Если у тебя нет денег, ты – никто. Никому не интересно, сколько ты спас человеческих жизней. Председатель приемной комиссии не вспомнит, что ты, допустим, вылечил от аппендицита его бабушку, пока ты не подкрепишь свое желание устроить дочек в институт пачечкой хрустящих бумажек. Это жизнь, Леша, а то, что ты говоришь, – прекрасные иллюзии.

Балахонов задумчиво затаился.

– Ты права, Вика. Но и я тоже прав. Время покажет, кто из нас правее.

Вика засмеялась. Она играет по правилам, и бояться ей нечего.

Глава вторая

Лариса закончила уборку, и по традиции Вика усадила ее пить чай. Окинув довольным взором стерильно чистые полы, сверкающую сантехнику и совершенно прозрачные стекла окон, Вика заглянула в холодильник, заставленный кастрюльками, и с ужасом представила, сколько времени и сил пришлось бы потратить ей самой, чтобы достичь – нет, не такого же, а гораздо более скромного результата. Какое счастье, что ее доходы позволяют держать помощницу по хозяйству! Андрею знать про Ларису не полагалось: Вика позиционировалась как безупречная жена, умеющая и порядок навести, и вкусно накормить супруга.

Увы, это не соответствовало действительности.

Поглощенная идеей добиться успеха в профессии, она никогда не уделяла внимания хозяйству, а мама, видя, как трудится дочь, и не заставляла ее работать по дому. Сама она была настоящей мастерицей, неутомимой труженицей, и Вика, наблюдая, как весело, словно мимоходом, она ведет дом, укрепилась в мысли, что домашнее хозяйство – дело несложное. Ничего не стоит освоить эту «премудрость» после замужества, думала Вика.

Но вышло иначе. Родители Андрея смирились с невесткой лишь потому, что считали ее неизбалованной и хозяйственной. Значит, нельзя было признаться мужу в своем несовершенстве.

Попытки быстро научиться всему у мамы оказались бесполезными. Вика показала полнейшую кулинарную бездарность. Она готовила самые простые блюда, но если была хоть малейшая возможность испортить продукты, неизменно ею пользовалась. Годы, прожитые в квартире родителей Андрея, были наполнены ухищрениями, которым позавидовал бы ас международного шпионажа. Вика усердно изображала искушенную в хозяйстве, но тактичную молодую женщину, которая понимает, что двум хозяйкам на одной кухне не ужиться, а потому предоставляет пальму первенства свекрови. Подразумевалось, что только хорошее воспитание не дает невестке засучить рукава и порадовать семью изысканными блюдами. Никому и в голову не могло прийти, что произнося: «Ах, мне никогда не сварить такого борща, ах, у меня никогда так не поднимется тесто», – Вика говорит чистейшую правду. Делать уборку она научилась, но в душе ненавидела это занятие.

Свекровь и не перегружала ее домашними хлопотами. Сама она вела хозяйство уверенно и крепко, при этом не позволяя себе опускаться до «нецарских» дел. Ездил по магазинам, составляла меню, готовила праздничный стол, варила варенье, смахивала пыль с коллекции безделушек, рукодельничала. Для всего остального существовала домработница.

Иногда Вика ловила на себе лукавый взгляд Николая Петровича, и ей казалось – свекор ее раскусил. От этого она только больше уважала его. «Вот какой бы мне нужен муж! – весело думала она. – Хитрый, умный, наглый, сильный и рискованный! О, каких бы дел мы с ним наворотили!» Но хитрые и умные мужики никогда не берут жен под стать себе. Их спутницы жизни – мягкие и кроткие девочки из педагогических институтов, которые с течением времени превращаются в холеных домохозяек с мозгом таким же расплывшимся, как их тела. И как бы ни хотелось умной энергичной женщине заполучить такого же мужа, как бы ни притворялась она домашней курицей – все бесполезно!

Вика очень любила Андрея, иногда даже восхищалась им, но было ясно, что в его характере начисто отсутствует главная черта его отца – азарт. Андрей грамотно вел свой бизнес, но Вика точно знала – родился он в простой семье, никогда бы не поднялся выше обычного врача.

– Привет, любимая! – Выйдя из машины, Андрей порывисто обнял ее. – Как же я соскучился!

Он жадно прильнул к ее губам долгим поцелуем. Вика обхватила его плечи, она любила обниматься так крепко, по-детски. Какой же он стройный, подумала она, отгоняя обидное слово «щуплый», вдруг пришедшее на ум. Она, довольно маленькая женщина, может прижать его к себе одной рукой. Невольно вспомнился Дайнега, чей крепкий кубовидный торс едва помещался в ее объятиях. Вот к чему ведет эта переписка! Все, больше она не станет ему отвечать. Просто вспоминать увлечение юности – еще куда ни шло, но сравнивать мужа и бывшего любовника – увольте! Она не занималась этим даже в ту пору, когда выбирала, за кого из них выйти замуж. И уж конечно, не станет делать этого теперь. Женская судьба состоялась, выбор оказался разумным и потому правильным. Она никогда не была влюблена ни в кого из них – Вика вообще не знала, что это за зверь такой, любовь. Она просто предпочла умного, трудолюбивого и интеллигентного молодого человека разгильдяю и бездельнику.

– У меня для тебя сюрприз, – шепнул муж.

Он никогда не приезжал без маленького подарка. Это могла быть безделушка для гостиницы, или пачка дорогого кофе, или флакон духов – все, что угодно, но вот странное дело: всякий раз, принимая подарок, Вика понимала, что именно эта вещь ей абсолютно необходима!

Она открыла бархатную коробочку. В ней лежал золотой браслет. Вика оценила оригинальное плетение, строгий блеск металла высокой пробы... И не обрадовалась.

Слишком дорого. Обои для одной комнаты, минимум. Но разве можно упрекать мужа в расточительстве, если ему нравится тратить деньги на жену?!

Она изобразила благодарность. Тут же, на улице, надела браслет. И сразу почувствовала: эта вещь – не ее. Золото давило на запястье, тяжелило кисть.

Душ с непременно «потереть спинку», легкий ужин и постель.

О, эта прекрасная супружеская постель, тайный уголок мужа и жены, несокрушимое убежище и штаб, где принимаются важнейшие решения и планируются все атаки против враждебного мира!

Андрей откинулся на подушки и привлек ее к себе:

– Тебе хорошо?

Вместо ответа Вика уткнулась лицом ему под мышку. Почувствовала, как он самодовольно улыбается, и, черт возьми, он имел право на эту улыбку! Он всегда был так нежен с ней, так заботился о ее телесной радости!

Приподнявшись на локте, она взглянула ему в лицо. Андрей уже надел очки и включил телевизор – он любил смотреть новости рядом с ней.

Интеллигентное лицо, тонкость которого подчеркнута тяжелыми очками, мягкий взгляд, застенчивая улыбка – разве такой человек может понимать толк в сексе? Кто подумает, что этот не мужчина даже, а юноша заставляет собственную жену после пяти лет брака то краснеть от смущения, то жмуриться от восторга?

А сама она... Типичная ледышка. Считая ее девочкой из простой семьи, родители Андрея, мягко говоря, ошибались. Вика и по материнской и по отцовской линии происходила из знатных петербургских родов, правда, обедневших задолго до революции, что и позволило Викиным предкам избежать репрессий. Последние фамильные драгоценности были утрачены в блокаду, так что в наследство Вике достались только идеальные для прошлого века пропорции фигуры, ножка тридцать пятого размера и классически правильные черты лица. Родители запрещали дочери кичиться своей родословной. Особенно в те годы, когда стало модно быть потомком князя или, на худой конец, статского советника. «Никогда нельзя хвалить или осуждать человека за то, в чем он не волен», – говорил отец.

Словом, глядя на Вику с Андреем, сторонний наблюдатель никак не мог предположить, какие чудеса они вытворяют за закрытой дверью спальни. Это была их общая тайна, их радостный секрет.

– Любимая, я давно хотел поговорить с тобой...

– Да? – встревожилась Вика.

– Может быть, хватит уже этой земской медицины? Я так скучаю без тебя.

– Всего три дня, милый.

– Четыре, – поправил Андрей. – Даже четыре с половиной.

– Я тоже страшно скучаю, – соврала Вика. Она никогда ни по кому не скучала и любила одиночество. Она даже не представляла себе, сколько должна продлиться разлука с мужем, чтобы она затосковала. – Но ведь эти дни мы оба на работе, мы бы все равно мало виделись.

– Хоть спали бы вместе. Переезжай домой, любимая. Работу мы тебе в три секунды найдем.

Ее неприятно резануло это «домой». Дом у него вообще-то здесь. Но Вика тут же одернула себя – естественно, что человек называет домом место, где родился и вырос.

– Милый, сейчас самое неподходящее время. Дом почти готов, только отделать две комнаты наверху. Если я перееду, сразу потеряю в деньгах.

– Этот дом столько из меня высосал! Иногда мне кажется, я женился на нем, а не на тебе.

– Тем более, не бросать же на полдороге. Я вот что думаю – возьмем кредитик, быстро доделаем, а там будем действовать по обстоятельствам.

– Мама давно интересуется, когда у нее появится внук.

– Самое раннее – через девять месяцев, – засмеялась Вика. – Отбьемся с домом, и я готова. Вот, кстати, лишний довод не менять пока работу. Здесь я получу хорошие декретные, а кроме того, работник, который, не успев устроиться, тут же отбывает в отпуск по уходу за ребенком, производит плохое впечатление.

– Да, в этом ты права, – вздохнул бизнесмен и работодатель. – Ты у нас всегда права, моя лапочка. Прости, что затеял этот разговор, просто мне очень плохо без тебя.

– А уж мне-то как плохо! Но мы потерпим, да, милый?

Вике, как порядочной и любящей жене, хотелось бы на самом деле тосковать по мужу. Она даже себе не признавалась в том, что нынешнее положение вещей ее замечательно устраивает.

«Я не начинаю вечером в воскресенье ждать понедельника, когда можно валяться на диване в махровом халате и шерстяных носках. Это не мои мысли. Я люблю Андрея, и мне хорошо с ним рядом». Именно так она заставляла себя думать.

Иногда она жалела, что не может ответить на страстную любовь и искреннюю привязанность мужа такими же глубокими чувствами. Но что поделаешь, если у нее такая холодная и спокойная натура? Она безупречно выполняет обязанности жены, и этого достаточно.

Они познакомились на четвертом курсе института, когда Вику выбрали в совет студенческого научного общества. Она заметила, какие жаркие взгляды бросает на нее председатель, но только снисходительно посмеялась над ним с подружками: «Неужели мои чары смогли заставить этого законченного „ботаника“ вынырнуть из глубин познания?»

В ту пору Вика переживала серьезный роман с Дайнегой, чаще, чем дома, ночевала в его съемной комнатке размером с пенал для карандашей, и то, что в ближайшее время они поженятся, казалось всем делом решенным. Сергей едва ли не каждый день предлагал ей отправиться в загс, но Вика, дав принципиальное согласие, откладывала официальное оформление отношений, втайне рассчитывая, что, может быть, сделает лучшую партию. Она не любила Сергея и отвечала на его чувство лишь благодарной привязанностью. Кроме того, брак с ним не сулил никаких материальных выгод.

Андрей в глазах институтского бомонда был затурканным девственником, вынужденным грызть гранит науки только потому, что ни одна достойная девушка не одарит его своим вни-

манием. Ведь в нем так мало внешних проявлений мужского начала! Мальчик, дитя в начале запоздалого полового созревания.

Но его пьяные от восхищения глаза льстили Вике, и она присмотрелась к Андрею внимательнее. Страстно желая достичь в жизни успеха, она остро подмечала атрибуты этого успеха у других. Одежда Андрея, несурзная, ему не идущая, была тем не менее очень дорогой. Пожалуй, одни джинсы стоили столько же, сколько весь Викин гардероб от зимних сапог до трусиков. Обедать Андрей ходил не в столовку, как все, а в дорогое кафе напротив.

Общаясь с ним на совете СНО, Вика обратила внимание на его острый ум, великолепное знание предмета и превосходную общую образованность.

«Да он в тридцать лет станет доктором наук, – думала она. – Хорошо быть профессором, но и профессорской супругой тоже неплохо!»

Она разрешила ему провожать себя после заседаний, а узнав, кто его отец, твердо решила: «Он будет моим мужем!»

О Сергее она при этом не думала. На фоне Андрея ей стали видны те недостатки Дайнеги, на которые она прежде закрывала глаза. Сергей вырос на Украине и за годы учебы в Питере так и не отвык от украинского языка. Временами это очень раздражало! Да и говорить-то с ним было особенно не о чем. Все разговоры сводились к тому, как он любит Вику, какая она хорошая да красивая. Но за два года эта тема Вике поднадоела.

Мир для Сергея был прост, как правда, а жизненный путь прям, как Невский проспект. Работать, где прикажут, любить Вику, растить детей, ловить рыбу и собирать грибы – вот все, что нужно было Дайнеге для счастья. Таким вещам, как карьера, бизнес, богатство, просто не было места в его космосе. А предположить, что Сергей когда-нибудь подарит человечеству научное открытие, мог бы только человек с очень богатым воображением.

Поначалу Вика пыталась воспитать его, приохотить к учебе. Она готова была часами растолковывать ему трудные места, но почему-то страницы учебников вызывали в нем только сильнейшее сексуальное желание.

Совместное будущее виделось Вике совершенно ясно. Не нужно быть Нострадамусом, чтобы предсказать: жена пашет на трех работах, делает карьеру, а муж, страшно довольный собой, преспокойно удит рыбку на ближайшем пруду. Он принес всю зарплату домой – что еще нужно? Ну а то, что жена зарабатывает в пять раз больше и давно ведущий специалист, когда он простой участковый врач в поликлинике – это такие мелочи, ведь они любят друг друга!

Такой жизни Вика не хотела. Ей нужен был спутник жизни, соратник, а не домашний любимец. И она потянулась к Андрею.

Слава богу, что она не была влюблена ни в одного из них, это позволяло сохранять ясность рассудка и уверенно управлять сложной комбинацией. Очаровать Андрея, но в то же время не упустить раньше времени Сергея, которому отводилась роль запасного аэродрома. Действующий и потенциальный женихи не должны были знать друг о друге. Помощников в этой игре у нее не было. Подругам она не доверяла, а мама упала бы в обморок, узнав, что дочь крутит роман с двумя парнями одновременно, да еще и изменяет ее любимому Сереженьке. Дайнега раз и навсегда покорила мамино сердце тем, что не только отлично готовил, но и великодушно прощал Викин саботаж домашнего хозяйства. Приходя к ней домой после занятий, он уверенно следовал на кухню, где проворачивал фарш в ручной мясорубке и чистил картошку. Вика фыркала – парень в фартуке, что здесь хорошего?

Андрея она вела к венцу, как рыбак тянет щуку, – общаясь с Сергеем, пришлось ознакомиться с основными приемами рыбной ловли. Не дернуть, но и не ослабить. Вика чувствовала, что «ботаник» – невольная маска, под которой скрывается здоровая натура. Позже, познакомившись с матерью Андрея, она поняла, в чем дело. Та просто законсервировала сына в детстве своей неумемной любовью, как ягодку в варенье.

Но Вика не хотела, чтобы маска оказалась снята прямо сейчас – сразу набежали бы конкурентки. Она тревожилась, глядя, как расцветает Андрей от любви, как распрямляются его плечи, а дурацкие джинсы сменяются строгими брюками и элегантными джемперами. Ей надо было спешить.

А потом был вечер, который она с радостью вычеркнула бы из своей жизни... Сергей пришел встречать ее после СНО и увидел, как они идут в обнимку с Андреем. Разыгралась безобразная сцена. Пришлось срочно принимать решение, и Вика без колебаний сдала Сергея, представив его наглым и навязчивым поклонником, который добивается ее без всяких шансов на взаимность. Она кричала на Дайнегу, даже обзывала его, он отвечал такой же грубостью. И лишь будущий муж вел себя в высшей степени достойно. Он сказал Сергею: «Я не позволю вам в моем присутствии оскорблять женщину», – и, кажется, даже собирался драться. К счастью, до этого не дошло. Дайнега плюнул и ушел.

Вика без зазрения совести наплела Андрею небылиц, он поверил и в тот же вечер сделал ей предложение.

Дайнега потом приходил к ней... Без всяких объяснений с ее стороны он готов был признать в Андрее случайного попутчика. Вика безжалостно его прогнала – так, словно и не была близка с ним почти два года. Ведь тогда все ее мысли были сосредоточены на предстоящей свадьбе!..

«Зачем же я с ним переписываюсь?» – спросила себя сегодняшняя Вика. – Только по одной причине: мне до сих пор стыдно, как я тогда повела себя с ним... Да, это было необходимо для меня, но как недостойно! И мне приятно с каждым его письмом получать подтверждение, что он не держит на меня зла».

Да и так ли уж она виновата? В нашем суровом мире не оправданы ли любые способы борьбы за личное счастье? Да и в судьбе Сергея наверняка промелькнула хоть одна девушка, которую он бросил так же безжалостно, как Вика его самого!

Она не знает, как сложилась его жизнь. Знает только, что из института он ушел, перевелся в военно-медицинскую академию, а после выпуска распределился врачом на подводную лодку, где и служит до сих пор. О семье Сергей не писал, оставалось только гадать, есть ли у него жена и дети.

«Есть, – усмехнулась Вика. – Какая-нибудь медсестра из Нижнезадрипанска, для которой мужик в погонах – верх совершенства». Воображение нарисовало дородную тетку во фланелевом халате, стоящую у плиты.

При мысли, что сама едва избежала сей участи, Вика с нежностью взглянула на Андрея. – Как я счастлива с тобой, милый, – с чувством сказала она.

Андрей снял очки, потянулся к ней, провел ладонью по животу...

Воспоминания отступили, Дайнега растворился в тумане прошлого.

Ошибка исправлена и забыта.

Глава третья

После операции Вика заглянула к Балахонову – выпить кофе, поболтать и просто отдохнуть перед вечерним приемом в поликлинике.

Леха сидел в кабинете, который красноречиво свидетельствовал о бедственном положении его хозяина. Стены с облупившейся масляной краской, истертый линолеум, бедная офисная мебель, собранная с бору по сосенке. Несколько лет назад Балахонов напрягся и за собственные деньги купил жалюзи, чтобы придать своей обители хоть немного шика, но полоски уже поотрывались, перестали скрывать старые рамы и только усиливали атмосферу беспросветного уныния.

Что делать, если в их больнице администрация полностью захватила власть... Как в колониях, ей-богу. Есть красные зоны, а есть черные. У них красная. Главврач с бухгалтерией и многочисленными замами по чему угодно – кадрам, строительству, только не по медицине! – самозабвенно крутит всякие аферы, пилит бюджетные деньги со страховыми компаниями и строительными фирмами, а врачей содержит по остаточному принципу, как ширму для своих сомнительных делишек. При этом от врачей требуется лишь одно – отсутствие жалоб от пациентов. Ведь за жалобами могут последовать визиты разных комиссий, и вдруг те случайно копнут где не надо.

Как все доктора, Вика презирала администрацию, но в то же время, глядя на ее грязные делишки, исполнялась чувством собственного достоинства. По сравнению, например, с главврачом или главбухом она могла считать себя кристально честным человеком. Она никого не обирает, не обманывает и берет гонорар только за собственный труд.

– Что такой грустный, Леша? – Вика устроилась на краешке его стола.

– Да ну... Жена позвонила, говорит, опять на ремонт садика нужно сдавать. По три тысячи с ребенка, с нас, значит, шесть. А я им уже столько денег на ремонт переносил! Такое впечатление, что не детский садик, а кафедральный собор.

– Не сдавай. Заставить они тебя не могут.

– Зато могут дочек выставить. Тут же возьмут более перспективных детей, сама знаешь, с местами дефицит.

– Слушай, а я же заведующей твоего сада вены делала... Ну да, ты еще просил, чтобы я с нее по минимуму взяла.

– А ты?

– А я из уважения к тебе вообще бесплатно сделала. Ты же мои принципы знаешь – если мы друг другу не будем помогать, то никто нам не поможет. Реально, Леша, давай я ей позвоню. Если уж она сама не может догадаться, что заведующий хирургией города – это та фигура, которой нужно всячески угождать. Номер есть?

Встрепенувшись, Балахонов полез за своим блокнотом.

Через три минуты Вика озадаченно и растерянно взглянула на начальника и друга:

– Вот сучка!

Елейным тоном бывшая пациентка сообщила, что всегда рада помочь Виктории Александровне, но именно сейчас ничего поделывать не может. Смета утверждена, расходы распределены. В голосе заведующей сквозило глубокое убеждение, что Балахонов – человек не бедный и незачем за него хлопотать.

– Ну ладно, придешь ты ко мне вторую ногу делать! – зловеще пообещала Вика в странство. – Будешь, Леша, дальше ругать меня за то, что я деньги беру?

– Не буду. Сам буду брать, как иначе выжить? Казалось бы, шесть тысяч не так уж много, но я ведь на свою зарплату пять человек кормлю.

Вика кивнула сочувственно. Кроме детей, на Лехином иждивении находились еще жена, инвалид-опорник, и мама, глубокая пенсионерка.

– Лешенька, давно пора. Святая профессия и бесценная человеческая жизнь – это, конечно, хорошо, если бы врач был в буквальном смысле упырем в белом халате, как нас иногда обзывают. После рабочего дня накрылся крышкой гроба, а к утренней планерке восстал из небытия. Но мы такие же люди, как и все, живем в обществе, и члены этого общества, которых мы лечим, на каждом шагу требуют у нас денег. А если что-то они обязаны делать для нас бесплатно по долгу службы, то делается это так трудно, так долго и с такой ненавистью, что понимаешь – лучше все-таки дать денег. Мы же с тобой делаем людям добро и смело можем принимать их благодарность.

Балахонов усмехнулся. Взял лежавший на столе конверт, надписал: «Здесь могла бы быть ваша благодарность». Показал Вике:

– Так, что ли?

– Примерно. Существуют два метода работы с больным. Это честный разговор и многозначительное молчание. Если ты видишь перед собой нормального человека, то без обиняков говоришь – так, мол, и так. Любой каприз за ваши деньги. А если перед тобой сомнительная личность, то лучше выражаться намеками в неопределенной форме: в принципе можно сделать... И замолчать. Если человек не поддерживает диалог и явно хочет проскочить на халяву, надо бойкотировать его немножко. Пока не сообразит, что к чему. Вообще удивительно – в средствах массовой информации проведена такая рекламная кампания врачей-взяточников, а народ еще надеется, что его будут лечить хорошо, быстро, вежливо и бесплатно. Какой-то один параметр нужно обязательно вычеркнуть. Особенным презрением пользуется категория больных, которые платят за отдельную палату, но не считают нужным простимулировать доктора. Таким следует объявлять бойкот.

– Не понял, – скинул брови честный Балахонов.

– Заговор молчания. Чисто по полису отоваривать. Один обход в день и – до свидания! Никаких внеурочных бесед с родственниками, никаких вкусных лекарств. И пусть сидят себе в отдельных палатах до посинения.

– Ну знаешь, это как-то не по-людски...

– Если человек готов платить за комфорт, значит, деньги у него есть, – отрезала Вика. – Свои обязанности по трудовому договору я выполняю, а с какой радости я должна расставаться? Я его вижу первый раз в жизни и ничем ему не обязана.

– Ты иногда меня пугаешь, Вика. Такой цинизм...

– Цинизм? Но чей, спрашивается? С одной стороны, власть запрещает нам брать взятки, а с другой – приравнивает нас к обслуживающему персоналу. К официантам. Хорошо, я официантка, где мои чаевые?

– Помнишь, мы с тобой оперировали бизнесмена? Он потом умер от острой сердечной недостаточности.

– Допустим...

– Помнишь, что ты сказала? Мол, столько лет в бизнесе крутился, а так и не понял, что за все надо платить. Отблагодарил бы нормально за операцию, жил бы сто лет. Помнишь?

– Помню.

– С тех пор я тебя бояться начал. Жестоко это было, Викуля.

Она засмеялась и без спросу вытащила сигарету из Лешиней пачки. Вика никогда не была курильщицей, но время от времени позволяла себе расслабиться.

– У этого бизнесмена на лице было написано стремление динамить лоха. Я думаю, на этом принципе строился весь его бизнес. А поскольку он увидел в тебе классический пример лоха, рефлекс сработал безотказно. Между тем, если доктора можно обвести вокруг пальца, бога не обманешь никогда. Еще Фрейд говорил: если за лечение не платить, оно не поможет.

А я давно заметила – у благодарных больных и раны лучше заживают, и осложнений меньше. Не веришь – можем статистику поднять.

Балахонов машинально дал ей прикурить.

– Вика, я тебя очень уважаю, ты знаешь. Как хирург ты на голову выше меня, а сколько ты работаешь – никакому мужику не под силу. Но твоя страсть к стяжательству меня просто убивает.

Услышав похвалу, Вика приосанилась, закинула ногу на ногу и картинно затянулась.

– Жизнь, Леша, намертво вбила в меня основополагающий принцип – за все надо платить. И я платила. За все. Поэтому люди, пытающиеся этот принцип обойти, вызывают у меня только презрение. Спроси у кого хочешь, что милее – моя жадность или твоя честность. Вот у операционных сестер спроси, которые с каждой моей операции имеют по две тысячи рублей, а с твоей – фигу. Может быть, они тебя очень уважают, но... Случись что, встанут на мою сторону. Прости, Леша, если сделаю тебе больно, но все же не удержусь... У жены своей поинтересуйся, как она смотрит на то, что ты спас жизнь стольким посторонним людям, а ей на эндопротез³ так и не заработал.

– Из-за таких, как ты, – буркнул Алексей и отвернулся.

– Вот именно. Ты такой же человек, как все мы, так и живи, как все. А ты устроил тут остров коммунизма, население расслабилось и обнаглело до невозможности. Ты должен знать психологию нашего гражданина – если человек делает тебе доброе дело, то не потому, что такой хороший, а потому, что идиот и размазня. Значит, за его спиной нет силы, которая позволит вместо доброго дела сделать злое. А раз силы нет, то и церемониться нечего. Можно и права покачать, и под плохое настроение жалобу написать. В Питере как делают, знаешь? «У вас аппендицит, нужна срочная операция, она будет стоить пять тысяч рублей». – «У меня нет столько». – «Хорошо, у вас есть два дня до разлитого перитонита, чтобы найти деньги». Самое интересное, не было еще случая, чтобы деньги не нашлись. Платят как миленькие и не жужжат.

Алексей скривился:

– Ну, милая моя, это просто рэкет какой-то.

– Я тоже считаю – грубовато. Вот тебе еще три правила в работе с больным. Первое – всегда лучше иметь дело с родственниками. Одно дело, когда человек на себя не хочет потратиться, и совсем другое – если он жалеет на близкого человека. Такой сразу выставляет себя в невыгодном свете, а никто этого не хочет. Второе – нужно убедить клиента, что за свои деньги он получит все, включая луну с неба. И третье, самое главное, – никогда нельзя загонять человека в угол. Если хочешь конструктивных отношений, ты обязан предоставить ему возможность выбора. Нельзя сказать – плати или пошел к черту. Надо говорить – пожалуйста, можно пролечить по полису. Но последствия непредсказуемы.

– У... – протянул Балахонов. – Ты, кажется, проводишь со мной мастер-класс взяточника? Денег хоть за науку не возьмешь?

Вика засмеялась, но, встретив холодный взгляд Алексея, осеклась.

* * *

Разговор с Балахоновым оставил в ее душе неприятный осадок, хотя ничего нового они друг другу не сказали. Впервые Вика задумалась: а как он на самом деле относится к ней? Сама она была человеком искренним, если кто-то ей не нравился, она сразу дистанцировалась от него, скрывая неприязнь под холодной вежливостью, если уж общения нельзя было избежать. Впрочем, таких людей было немного. Она легко прощала людям их маленькие слабости и бывала расположена к любому, пока он не насолил лично ей. Но ведь может быть иначе,

³ Эндопротез – протез сустава или сосуда, выполненный из синтетических материалов.

можно изображать дружбу, ненавюдя и презирая. Наверное, Леша завидует ее популярности и тому «сухому остатку», что она из этой популярности извлекает. Наверное, он сам хотел бы жить, как она, просто силенок не хватает. Бойтся? Или знает заранее, что у него не получится? Для того чтобы требовать, нужна железобетонная, непрошибаемая, абсолютная уверенность в том, что ты имеешь на это право. Если не уверен, лучше не проси – ничего не получишь. Почему, например, некоторые девушки никак не могут уговорить парня жениться? Только лишь потому, что они заранее согласны с его отказом, заранее оправдывают его решение «пожить так», хотя этого им хочется меньше всего на свете. Так и Балахонов. С его физиономией, на которой написано: «Я обязан лечить вас бесплатно», – он засыплется на первых же пятистах рублях. И он это знает.

Возможно, он просто терпит ее, потому что нет другого флеболога. Тогда он опасен. И вдвойне опасен потому, что не берет у нее денег. В начале карьеры Вика собиралась платить заведующему отделением откат с каждой операции, как это принято везде, но Балахонов отказался.

«Не жал, не сеял, а деньги получил? – усмехнулся он. – Я так не привык».

А теперь, не задействованный в круговой поруке, он сдаст ее при первом удобном случае!

Нужно что-то делать. Или нет? Ведь формально она работает безупречно, а доказать он ничего не сможет. Пожалуй, она будет приглашать его ассистентом на сложные вены, хоть и привыкла работать вдвоем с сестрой. Не принять вознаграждение за участие в операции он не сможет, это нарушение корпоративной этики. И будет «в деле», следовательно, безопасен. Во всяком случае, тогда уж ей больше не придется слушать его проповеди.

Найдя выход, Вика повеселела. И тут как раз приехала мама – проведать дочку и подышать свежим воздухом.

Поначалу Вика обрадовалась, но мама вдруг принялась отчитывать ее за то, что полнедели они с мужем живут врозь. Вика пыталась ее отвлечь, но мама равнодушно прошла мимо розовых кустов, мимо новой альпийской горки с редкими суккулентами, а на клумбу с изысканно подобранным цветочным ассорти даже не взглянула. Хуже всего было то, что мама вдруг, впервые после Викиной свадьбы, вспомнила Дайнегу.

– Как это вы живете? – кипятилась она. – Убей меня, не понимаю! Разлука мужа и жены допустима, только если он по делам службы отправляется в такое место, где пребывание женщины невозможно или слишком опасно!

– Какие формулировки! – улынулась Вика, ставя на садовый столик высокий кофейник, похожий на восклицательный знак. – Прямо хоть сейчас в учебник или в Семейный кодекс.

– Не надо хихикать! Вот если бы ты была замужем за Сергеем и он ушел в автономное плавание, я бы слова не сказала. А у вас-то...

Вика налила кофе в изящные чашечки тонкого фарфора, и в воздухе разлился упоительный аромат настоящей арабики. Стоял чудный летний вечер, солнце неспешно закатывалось за речку, напоследок окрасив ее воды молочно-розовым цветом, кусты сирени словно вздыхали, готовясь ко сну, цветы закрывались на ночь. Скоро потянет приятной прохладой, небо окрасится тенью темноты, но настоящая ночь так и не придет.

– Принести тебе шаль?

Мама только отмахнулась от ее заботы.

– Вика, я сто раз знаю, что ты мне скажешь! Мол, вы не надоедаете друг другу, и прочую чушь! Стараются, чтобы любовная лодка не разбилась о быт... Ну-ну! Только, знаешь ли, Маяковский сильно ошибся. Быт – это не рифы, а то море, по которому плывет любовная лодка. Если море мелкое, лодка садится на мель.

– У нас тоже есть быт, – буркнула Вика.

«Только на более высоком уровне, чем у вас, – чуть не добавила она, но вовремя осеклась. – У вас быт – приготовить обед, а у нас – построить дом».

– Ваша жизнь какая-то ненастоящая. Напоминает слащавый американский сериал, пропагандирующий семейные ценности.

– Мама! – Вика засмеялась. – Если бы ты не была моей мамой, я бы решила, что ты мне завидуешь. Людям всегда чужое счастье кажется ненатуральным и слащавым. Вот вы же с папой дружно живете, а твои истеричные подружки тоже, наверное, считают, что это все у вас напоказ.

– Я не говорю, что надо каждый день скандалить! Просто муж и жена должны жить вместе.

– Но я не хочу бросать прекрасную работу и опять переезжать к Эльвире Семеновне! Вот уж кто слащавый!

– Вроде бы она хорошо к тебе относится.

– Да, относится. Как к любимой игрушке обожаемого сынули. Если игрушку выбросить или сломать, сынуля расстроится, а мы же не хотим, чтобы сынуля плакал.

– Я и не предлагаю тебе переезжать. Но Андрей прекрасно может ездить на работу отсюда.

Вика фыркнула. Это смотря что понимать под работой. Если восьмичасовое ничегонеделание в специально отведенном для этого месте, то да. Но Андрей так выкладывается, что для него три часа каждый день проводить за рулем – почти непосильная нагрузка.

Такая уж непосильная? – вдруг пришла в голову ехидная мысль. Ведь некоторые ее пациенты работают в Питере. Даже женщины. Даже те, у кого нет своей машины, а значит, дорога занимает не три часа, а все шесть.

Чтобы скрыть замешательство, Вика сделала большой глоток кофе. Они планируют ребенка. В банке приняли положительное решение о кредите, в ближайшее время деньги перечислят на ее карточку, можно заниматься вторым этажом. Процесс займет явно меньше девяти месяцев, за которые она успеет досрочно выплатить кредит, поэтому супруги решили больше не предохраняться.

«Допустим, я рожу и уйду в декрет. Что дальше? Перееду с ребенком в родовое гнездо, где получу на свою голову диктатора, фонтанирующего строгими директивами по уходу за любимым внуком?» В том, что Эльвира Семеновна отведет ей скромную роль исполнителя ценных указаний, Вика не сомневалась. Не говоря уже о том, что ребенку лучше расти на свежем воздухе, чем в загазованном центре Питера. Андрей по-прежнему будет приезжать только на выходные?

Вика в задумчивости взяла вишенку с пирожного. Ладно, лично ей так даже неплохо, а ребенка? Устроит ли его воскресный папа?

– Я уверена, что Сергей никогда бы не допустил подобного положения вещей, – строго сказала мама. – Он не то что на машине, на пузе бы приполз, лишь бы быть с тобой.

Вика мрачно кивнула:

– Угу, приполз. Сжимая в кулаке три рубля зарплаты. Мама, ты его идеализируешь. Я очень рада, что не вышла за него. Это разгильдяй, каких свет не видывал. Сама подумай, уже шесть лет служит на подводной лодке, когда все нормальные люди давно уже ушли из армии! А он все сидит. Это даже хуже участкового врача, тот хоть с больными имеет дело, а Дайнега – с ненормально здоровыми людьми. Таблетку взял, разломил пополам, дал – минимум две болезни вылечил.

– Сережа служит не на баркасе, а на подводном стратегическом военном крейсере, – с достоинством произнесла мама. – У него там кроме таблеток много сложных обязанностей.

– ?!

Мама смутилась.

– Ну да, я переписываюсь с ним по Интернету. Что такого? Сергей – сирота, он тянется к старшим, которые его привечали. Мы же с отцом были уверены, что ты за него выйдешь!

Заметив, как насупилась Вика, мама поспешила с оправданиями:

– Я вижу, Андрей – порядочный человек и очень тебя любит, но все же... Сережа был нам родной по духу, а тут... Другая среда, другие принципы. Все время приходится соответствовать. Я сроду не думала, что придется бывать в таком роскошном доме, как у вас...

Лицо Вики приняло самое безмятежное выражение. Родители считали, что дом построен на доходы Андрея с помощью Николая Петровича, а Вика вносит в семейную кассу скромную докторскую зарплату. Узнай они, что дочь берет гонорары...

– Я вижу, ты довольна мужем, устроена и обеспечена. Но чувствуешь ли ты себя свободно? Не упрекай меня, что вмешиваюсь в твою жизнь, все же мы твои родители и волнуемся за тебя.

«“Волнуемся”!» – Вика горько усмехнулась. – Если вы так волнуетесь, почему не пахали по пятнадцать часов в сутки? Почему не заработали столько денег, чтобы дочь могла спокойно учиться и выходить замуж, за кого хочет? Выйди я за Сергея, не заручись поддержкой тестя, где бы я сейчас была? На участке, а то и вовсе безработной. Почему ваше волнение не заставило вас ходить в школу, носить в клювике учителям? А если уж совсем не было денег, войти в родительский комитет, чтобы выбивать деньги из других пап и мам? Ваше участие в моем образовании ограничивалось тем, что вы объясняли мне сложные места программы. Объясняли терпеливо и доходчиво, только совсем не это было нужно! Учителя на мои знания чихать хотели. Я до сих пор вспоминаю последний год в школе как кошмар, как непрерывный бой, который я одна давала целой армии учителей, непременно желавших поставить мне четверку хоть по одному предмету, чтобы золотые медали ушли тем, кто их проплатил. А я ведь еще и работала... Что вам за меня волноваться, когда я всего всегда добивалась сама? И вам ли осуждать меня за то, что я ухватилась за возможность подниматься к вершине не по отвесному склону с непрерывными камнепадами, а по хорошей дороге? Вы прекрасные родители, вы не кормили меня рыбой, а дали мне удочку. Только для хорошего клева нужна соответствующая наживка и место должно быть прикормленным... Черт, неужели Дайнега со своими рыболовными страстями так крепко сидит в моей подкорке?

Вот Николай Петрович, создавший для сына прибыльный бизнес, он – да, волнуется о своем ребенке. А ваше волнение...

Между прочим, свекор начинал с тех же позиций, что и вы. Такой же научный сотрудник. Только он работал, а вы скорбели об упадке фундаментальной науки. Хотя для таких, как вы, фундаментальная наука была прежде всего возможностью спокойно попивать чаек под академическими сводами. А крутиться, пахать, принимать решения – это так... нефундаментально.

Зарабатывали бы деньги, как все нормальные люди, глядишь, и не было бы времени тусоваться в Интернете с бывшими поклонниками дочери».

Ничего этого Вика, разумеется, не высказала вслух. Она сообщила о решении завести ребенка, и мама сразу переключилась на эту волнующую тему.

Глава четвертая

Ей нужно было побеседовать с Балахоновым, но тот никак не находился. Вика заглянула в кабинет, прочесала отделение – пусто. В операционной его тоже не было. Наконец Леша обнаружился в приемном покое. Лариса поила его чаем, сама же пила какую-то жуткую смесь противоестественно зеленого цвета.

«Ах, она же на диете!» – вспомнила Вика. Несколько месяцев назад к ним по недосмотру проник торговый агент с чудо-системой для снижения веса. И поветрие питаться адскими коктейлями овладело умами большинства медсестер. По системе разрешалось есть овощи один раз в день, а в промежутках утолять голод, разводя порошок из баночки. Стоило удовольствие три с половиной тысячи на две недели. Вика была убеждена, что, если питаться овощами, и так похудеешь, а коктейли несут чисто психологическую нагрузку. Три с половиной тысячи, вырванные из скудного медсестринского бюджета, – железный довод не нарушать диету. Рука сама отдернется от пирожного, как только вспомнишь о потраченных деньгах. Но сестры так истово поверили в систему, что только очень жестокий человек разоблачил бы это мошенничество.

– Как же ты похудела! – восхитилась Вика.

Лариса расцвела:

– Правда?

– Точно! – подтвердил Балахонов, увлеченно жуя пирог с мясом. – Ты давай поосторожнее. А то скоро достигнешь отрицательной массы тела и начнешь сворачивать вокруг себя пространство.

Довольно хихикнув, Лариса приготовила Вике чай, и они с Алексеем вернулись к обсуждению коварного плана – удалить Ларисину мужу липому и во время операции тайно вшить таблетку от пьянства. Самым главным препятствием к осуществлению этого плана было то, что муж о нем догадался и расставаться с липомой, а заодно и с вредной привычкой отказывался наотрез. В общем, Ларисе просто хотелось излить душу и получить порцию сочувствия.

«А ведь ее муж считается еще не самым плохим, – рассеянно подумала Вика сквозь злость, что не может прервать душевную беседу и вытащить Лешу для разговора тет-а-тет. – Он по крайней мере работает и приносит Лариске хотя бы те остатки, которые не пропивает. Иногда даже что-то делает по дому. Не играет и не бегает по бабам. И не бьет ее, наоборот, ему самому случается получить от Лариски. Их браку почти двадцать лет, двое детей... Почти образцовая семья, но какая же на самом деле беспросветная и убогая жизнь!»

Вика задумалась о том, что на свете существуют совсем другие формы семейных отношений, нежели те, к которым она привыкла. Сколько жен имеют рядом с собой отвратительный, ненужный балласт! Даже не балласт, а паразитов, высасывающих из них жизненные соки! Но терпят ради брендов «замужняя женщина» и «полная семья». А за вывеской «полная семья» скрывается не единство душ, не общий, в конце концов, бизнес с ответственными партнерами, а лишь тупое сожительство.

Что имеют эти женщины? Тело, валяющееся либо на диване, либо на полу, в зависимости от количества принятого алкоголя. Ни уверенности в завтрашнем дне, которую дает материальный достаток, ни мелких радостей от всяких пустячков, которые хороший муж должен дарить жене, ни душевного подъема, когда рядом с тобой близкий духовно и заботливый человек. Да и радостей плоти они, наверное, тоже не испытывают, ибо человек, не заботящийся о благополучии жены, вряд ли станет беспокоиться об ее сексуальном удовлетворении.

В этом мрачном, унылом существовании остается одна отдушина: работа. Только там женщина может почувствовать себя человеком, обрести самоуважение.

О, чертова эмансипация! В идее равноправия, изначально порочной, мужчины уловили только один момент – женщины могут сами о себе позаботиться. И развили тему: «А раз они такие умные, пусть заботятся и о нас. С них не убудет».

Что дало это равноправие человечеству? Софью Ковалевскую, Марию Кюри, Маргарет Тэтчер. Ну, может быть, Валентину Терешкову еще. Хотя кто из женщин гордится своими выдающимися... Тут мысли Вики застопорились в поисках нужного слова. «Коллегами» не годится... «Однополчанками», что ли?

Любую спроси, что Ковалевская сделала в математике, – не знает. А вот то, что, увлекшись наукой, не смогла устроить личную жизнь, – знают и презируют ее за это. И про Марию Кюри бытует такое же мнение: мол, неудачный брак, хотя она была вполне счастлива с мужем, пока трагически не овдовела. Скажи сейчас той же Лариске, что Мария Кюри до сих пор является единственным в мире дважды лауреатом Нобелевской премии, она только фыркнет: «Зато твоя Кюри не умела готовить».

Может, это и есть правильный взгляд на проблему? Пусть равноправие подарило миру несколько талантов, зато отобрало у женщин больше хороших мужчин, чем Вторая мировая война.

Вздыхнув, Вика подмигнула Лариске. Та улыбнулась, как заговорщица: мол, все по плану, в пятницу приду. Она ни разу еще не подводила Вику, хоть больная, хоть после тяжелой смены заступала на трудовую вахту в Викином доме. Вика только удивлялась, как человек может быть так весело неутомим и находить радость в отвратительнейших занятиях типа мытья полов. Бедняга, обремененная одним-единственным моральным принципом «Мои дети должны быть сыты», она столько лет тащит на своих плечах мужа-алкаша и двоих детей.

При этом успевает следить за собой, даже те дешевые тряпочки, которые ей по карману, подбирает со вкусом.

Всегда веселая, энергичная. Жуткая вымогательница – если человек придет без полиса, обретет его до нитки, но странным образом оставит по себе приятное впечатление.

«Я, наверное, была бы такой же. Если бы стала мадам Дайнега. Молотила бы как бешеная, пока Серега рыбам в задницу заглядывал. Правда, я и сейчас работаю на пределе... Но разница есть! Сейчас у меня нет комплекса „единственного добытчика“, я уверена: если что, Андрей меня прокормит».

Описывая похождения своего муженька, Лариса уже перешла на фрагменты древних заклинаний, которыми, если верить филологам, славяне вызывали злых духов. Коснулась дальнейших жизненных перспектив супруга – где ему следует находиться и чем там заняться.

«Скоро конец», – с облегчением поняла Вика.

Балахонов сочувственно кивал.

«В сущности, с кем еще она может поделиться, как не с нами? Молодые девчонки ее просто не поймут, они не верят в эволюционный вектор: прекрасный принц – алкоголик. Одинокие бабы хотели бы сами иметь ее проблемы, а такие же несчастные тетки, как она, только позлорадствуют, что Лариска живет ничем не лучше их. Остаемся только мы – Леша, мужик добрый и понимающий, да я. Лариска инстинктивно понимает, что я совершенно другое дело и брак у меня заоблачного для нее уровня. Она о таком даже не мечтала, поэтому ей и не зазорно жаловаться мне на судьбу».

Наконец, облегчив душу, Лариса вышла.

– Ты что хотела? – недовольно спросил Алексей.

– Тут больная поступила с венами... – Вика назвала фамилию. – Кто такая, не знаешь?

Он энергично помотал головой:

– Первый раз слышу.

– Точно не твоя знакомая? И никто тебя за нее не просил?

– Не-а. – Алексей задумался. – Точно нет. Железяка.

– И со мной она не договаривалась. Откуда же она взялась, интересно?

– А направление кто дал?

– Светка дала. Я ей уже позвонила. Тетка – директор школы, сказала, что обо всем со мной договорилась, Светка проверять не стала. Сам знаешь, у нее по пятьдесят человек каждый день на приеме. Я думала, может, она из твоих протеже, а раз нет... мы имеем дело с беспрецедентным случаем наглости. Что ж, накажем.

– Может, все-таки сделаешь? От тебя не убудет, а тетку эту я на обходе видел. Лучше не связываться.

– Вредная?

– Ужас!

Вика не сомневалась в Лешиной оценке. Профессия врача, помимо всего прочего, учит разбираться в людях. Опытный доктор может на основании первого впечатления не только предположить правильный диагноз, но и определить, хороший перед ним человек или не очень. Нередки случаи, когда дежурный врач, отчитываясь на утренней конференции о поступивших больных, добавляет к паспортным данным и диагнозу: хороший человек. И это именно то и значит. Не то, что пациент занимает какую-то высокую должность или заплатил доктору за операцию, а просто произвел хорошее, приятное впечатление. Медработники, привыкшие видеть не самые привлекательные стороны человеческой натуры, таких больных ценят.

– Я к ней даже не подойду.

– Вика, тут проще дать, чем отказать.

– С одной стороны, да, но нужно смотреть на проблему в целом. Сейчас все в нашем городе знают: чтобы сделать вены, нужно договориться со мной. Это так же естественно и неизбежно, как восход солнца. Город у нас маленький, информация распространяется быстро... Через неделю все будут убеждены – достаточно взять направление в поликлинике и добрая Виктория Александровна сделает операцию. Поэтому то, что ты предлагаешь, просто невозможно. Моя торговая марка будет уничтожена.

– Но ты вроде как должна...

– Самый лучший ответ на эту фразу я услышала на днях в гастрономе, когда попросила отрезать мне двести грамм колбасы. Продавщица не хотела резать батон, а когда я сказала ей – вы вроде как должны, она отрезала: «Я должна папе с мамой за то, что меня родили, а вам я ничего не должна». Так-то, Леша.

– Это точно! – вдруг разгорячился Балахонов. – Каждый из нас знает, как «Отче наш», чего он не должен делать! Вот любую медсестру, любого доктора разбуди ночью, он тут же без запинки скажет, чего он делать не обязан. Выучил назубок, ничего не упустил. Никаких с этим проблем! А вот когда дело доходит до того, что он все-таки должен делать... тут начинаются сложности. В нашей стране большинство служащих твердо убеждены, что за свою зарплату они должны только прийти на работу и занять рабочее место. Все остальное – гигантское личное одолжение.

– Леша, но я действительно не должна... Я консультант у тебя в штатном расписании, а не «оперант». Хочешь – делай сам, никто не запрещает.

– Ты прекрасно знаешь, я вены не делаю.

Вика опустила глаза. Балахонов был неплохим хирургом, но ему не доставало того артистизма, шика, который необходим для подобных операций. Сделал бы все по книжке и оставил бы грубые рубцы.

– Да, я тебя заставить не могу, это верно. Даже не знаю, как еще тебя убедить... Ну, вспомни хотя бы нашу Конституцию, в которой закреплено право граждан на здоровье.

– Леша, если я реализую исполнение Конституции, у меня должен быть статус госслужащего. С соответствующей зарплатой, льготами и пенсией. А пока этого статуса у меня нет, я к Конституции даже прикасаться не собираюсь.

– Хорошо. Если тебя так беспокоит имидж, скажи ей, что операция платная, и отправь в кассу. И репутацию сохранишь, и придаться не к чему.

– В кассу! Еще чего! Да я лучше уж бесплатно сделаю, чем дам администрации нажиться на моем труде. Сколько мы на руки получим?

– Двадцать один процент на всю бригаду, – без запинки ответил Балахонов.

– Вот именно.

– Ты, Вика, строго говоря, нарушаешь закон. Не говоря уже о вымогательстве, за которое тебя можно привлечь к ответственности, ты еще не платишь налоги со своих гонораров. К тому же ты оперируешь в больничной операционной, пользуешься больничными препаратами и инструментами...

– Ты за государство и нашу администрацию не волнуйся! Они с нас с тобой имеют доход, так как платят нам процентов тридцать от того, что мы реально должны получать. А с той нищенской ставки, что они мне установили, я честно плачу подоходный налог. Леша, если бы наша шобла, которую по недоразумению называют администрацией, честно платила бы тебе по системе ОМС, ты жил бы припеваючи. Я знаю, ты постоянно с ними борешься и скандалишь, а я не скандальный человек. Если вы не хотите оплачивать мой труд, я решаю проблему сама.

– Ладно, хватит философий. Лучше скажи, что мне с этой бабой делать?

– Ты как маленький, ей-богу! Мало ли гуманных способов... Скажи, что ЭКГ плохая, покажи терапевту, придержи к анализам... Сам знаешь, плановая операция делается только на фоне полного здоровья или хотя бы санации патологических очагов. Сделай скорбное лицо, скажи, что при данном фоне оперативное вмешательство представляет страшный риск, нужно подлечиться, попить таблетки, а через месяц... После повторного обследования – милости просим.

– Да она здоровая как лошадь!

– Это кажущееся впечатление! И ты, опытный врач, не должен идти на поводу у обманчивого благополучия. А если уж все так серьезно... Дай-ка ты ей направление в Питер! А что? Сложные вены, если хирург не уверен в себе, врачебный долг требует, чтобы он передал больную более опытному товарищу. И пусть она едет! Там ее поставят в очередь на две тысячи неизвестно какой год, а чтобы побыстрее, запросят такую сумму, что вернется она тихая-тихая, смиренная-смирная. И главное, на все согласная.

– А если там работают порядочные люди?

– Ее счастье.

– Хорошо. Заставить тебя оперировать я не могу. Но ты хоть проконсультируй.

– Это без проблем.

Леша грустно взглянул на пустую тарелку. Пирог кончился.

– Я, Вика, устал уже тебя воспитывать. Только одно еще хочу тебе сказать: человек, ставящий деньги во главу угла, изначально не может победить. Он всегда побежденный.

– Это почему, интересно? – оскорбилась Вика, числившая на своем счету множество побед.

– Да потому, что он дает своим врагам понять, какое оружие против него самое эффективное.

Вика фыркнула. Деньги – это абсолютное оружие. И побеждает тот, у кого их больше.

– Не смейся. Почему, ты думаешь, наша верхушка так оголтело, так бесстыдно, можно сказать, гомерически ворует? Казалось бы, миллион, ну два, сколько еще нужно? Провернул выгодную сделку – и живи спокойно.

– Аппетит приходит во время еды. И ты меня с ними не сравнивай. Я не ворую.

– Я сейчас о другом. Дело не в аппетите. Просто, продав совесть и честь, человек получает за это деньги и думает: и это все? Этого же мало! Нужно гораздо больше, чтобы заткнуть черную дыру, которая образовалась в душе. Но ее ничем не заткнешь – ни замками, ни яхтами, ни футбольными клубами.

Позвонил Андрей. Смущенно предупредил, что на выходные не приедет.

– Почему? – удивилась Вика.

– Любимая, в пятницу у меня конференция стоматологов.

Вика фыркнула:

– И что вы будете делать? Мазать яйца зубной пастой и опускать в серную кислоту?

– Зачем такой сарказм, любимая? Можно подумать, ты никогда не ходила на конференции флебологов.

– Ходила. Мне там впаривали рекламные проспекты всяких дорогуших препаратов и компрессионных чулок. Надеялись, что за отвратительный кофе с засохшими бутербродами я, в свою очередь, стану впаривать эту дрянь своим пациентам.

Она услышала в трубке его смех. Вике всегда очень нравилось, как Андрей смеется. Негромко, но от души. Не то что басовитый гогот Дайнеги. Да сколько можно вспоминать! Сергей, наверное, уже давно перестал ржать как конь...

– Любимая, фармацевтические фирмы всего лишь продвигают на рынок новые лекарства. Что в этом плохого?

– А то, что этим должны заниматься совсем другие учреждения, не заинтересованные в прибыли. Иначе народ будет получать не тот препарат, что полезнее, а тот, у изготовителя которого бутерброды лучше. Но мы отклонились от темы. Что тебе мешает приехать после конференции?

– Ты как маленькая, Вика. Мне придется зажигать там допоздна, и, прости уж, я буду просто обязан выпить. Хочу заключить пару выгодных контрактов.

– Выспись и приезжай в субботу.

– А в субботу я иду на вечеринку в Дом кино. Точно не знаю, что там намечается, но будет много журналистов. Хочу договориться насчет рекламы, ты знаешь, она у меня сейчас совершенно завалена.

– Ну давай тогда я приеду, вместе пойдем.

– Любимая, это не совсем удобно.

– ?!

– Дело в том, что я иду с Ирой. Собственно, это она меня ведет. – Оправдываясь, Андрей заговорил быстрее: – Пойми, пиар для меня сейчас – ключевая задача!

Видимо, для Иры тоже, желчно подумала Вика, если приходится тащить на суаре чужого мужа.

– Значит, идти с родной женой неудобно, а с посторонней бабой – пожалуйста? – холодно уточнила она.

– Не сердись, любимая! Ты же знаешь, как я тебя обожаю. Ревновать меня к Ире – просто смешно!

– Я смеюсь, – заметила Вика угрюмо.

– Мы же с ней дружим с пеленок и никогда ни о чем таком не думали. Да, наши родители хотели нас поженить, но давным-давно отказались от этой затеи. Ты прекрасно знаешь это семейное предание.

– Наслышана.

Вика вышла на балкон. Звонок Андрея застал ее на втором этаже, по которому она бродила, прикидывая будущую отделку комнат. Она, разумеется, не сердилась на Андрея всерьез

и не ревновала к Ире, но мужа нужно держать в тонусе! Иначе в один прекрасный день он безмятежно заявит, что идет в ресторан с какой-нибудь Олей или Люсей.

Ира Крымова была дочерью давнего друга Николая Петровича. Оба трудились инженерами, но с началом перестройки пути их разошлись. Николай Петрович ударился в политику, а Ирин отец – в коммерцию. Что не мешало, впрочем, свекру при случае проворачивать выгодные сделки, а Ириному отцу публично высказываться о судьбах Родины. Обоим сопутствовал успех, и мужчины никогда не теряли друг друга из виду, ведя, по сути, общий бизнес. Кажется, это называется протекционизм? Вика точно знала, что стоматологическая клиника Андрея – откат Ириному отцу за выигранный тендер на поставки рентгеновской пленки. Брак детей был бы достойным способом легализации этого тайного союза. Какое счастье, что Ира не пожелала стать женой Андрея! Иначе...

Вика задумалась.

– Что же ты молчишь? Обиделась? Я даже не подумал, что тебе это может быть неприятно... Ну хочешь, я не пойду?

– Хочу, – буркнула Вика.

До этой минуты она относилась к Ире вполне доброжелательно. Та, кажется, платила Вике той же монетой. Внешне Ира была гораздо эффектнее, одевалась на порядок лучше Вики. Но она никогда не была влюблена в Андрея. Он сам рассказывал Вике, что, повинувшись указаниям отца, пытался когда-то за ней ухаживать и был решительно отвергнут. Журналистка по образованию, Ира была умна и могла бы сделать блестящую карьеру, но Вике казалось, что она сознательно избегает любой работы. Ее отец проплатил дочкину карьеру и на телевидении, и в нескольких солидных журналах, с таким стартом она могла бы быстро «дотянуться до звезд», но не прилагала к этому ни малейших усилий. Колумнистка, обозревательница – все эти слова, по мнению Вики, представляли собой корректные варианты слова «бездельница». У Иры было несколько романов с известными людьми, которые завершились пшиком, но расставания прошли без скандалов, поэтому она пользовалась репутацией порядочной женщины и завидной невесты.

Наверное, на данный момент у нее нет поклонника, и она бестрепетно приглашает чужого мужа!

– Любимая, если ты категорически против, я, конечно, не пойду. Но подумай: с одной стороны, прекрасные рекламные возможности, а с другой – ревность, не имеющая под собой никаких оснований. Да и как я буду выглядеть перед Ирой? Она же меня пригласила из любезности, чтобы дать мне нужные контакты. Уверен, ей было с кем пойти. Я согласился, а теперь вдруг откажусь!

– Вы с Ирой позиционируете себя как представители бомонда, – отчеканила Вика. – А в хорошем обществе не принято, чтобы женщина появлялась в публичном месте с чужим мужем.

– Да какое публичное место, побойся бога! Сборище борзописцев!

– Которые тут же настрочат в глянцевые журналы, что известная журналистка и телеведущая Ирина Крымова появилась на пафосной вечеринке в компании не менее известного владельца супермегастоматологической клиники Андрея Воротникова. На вопрос, что их связывает, пара смущенно потупилась и сообщила, что они просто друзья. Однако весь вечер молодые люди держались за руки и обменивались нежными знаками внимания. Не значит ли это, что вскоре нам предстоит побывать на свадьбе телеведущей? Особо продвинутые добавят, что платье звезды было свободного покроя. Уж не для того ли, чтобы скрыть беременность?

– Да ну тебя, любимая! Кому я интересен? Да и Ира... Чтобы попасть на страницы журналов, ей нужно выкинуть что-нибудь более эпатажное, чем появиться на людях с мужиком. Любимая, ну отпусти меня... Это же наш с тобой общий бизнес, от того, как он пойдет, будет зависеть наше благополучие. А к тебе я приеду в понедельник, хорошо?

Забыв, что Андрей ее не видит, Вика кивнула.

– Любимая, ау!

– Да хорошо, хорошо. Андрей, я тут подумала... Не переехать ли тебе ко мне насовсем? Руководить бизнесом можно и дистанционно.

– Дистанционно руководить – это утопия! – засмеялся ее муж. – Ты же сама все прекрасно понимаешь. Хотя... в другом ты права, пора нам жить, как все нормальные люди. Сокращу свой прием, это я могу себе позволить. Да, любимая, это определенно прекрасная идея.

– Ты серьезно? – Вика удивилась столь быстрому согласию.

– Абсолютно. В понедельник соберу вещички и – к тебе на ПМЖ. Не прогонишь?

Тут Вика спохватилась: у нее же по плану отделка второго этажа! Понравится ли Андрею находиться в эпицентре хаоса? Жизнь не подготовила его к таким испытаниям...

В результате договорились, что Вика посвятит выходные покупке отделочных материалов, за неделю бригада все сделает, а в пятницу состоится торжественный въезд Андрея в готовые апартаменты.

С покупками она управилась быстро. Мастер, желающий угодить авторитетному хирургу, объездил с ней строительные магазины, и Вика в один прием купила все необходимое. Таким образом, воскресенье оказалось свободным. Она не помнила, когда последний раз проводила целый день в одиночестве, и решила пригласить Балахонова с семьей.

Вика привезла Тосю с дочками на своей машине – из-за хромоты Лешиной жене было трудно добираться до Викиного дома. Глядя, как Тося неловко ковыляет по лужайке, Вика в который раз подивилась стойкости духа этой маленькой женщины. А заодно и порядочности Леша, ведь он взял ее замуж уже такой. Тося попала под машину и сломала бедро, когда Балахонов только начал ухаживать за ней. Неудачная операция привела к разрушению тазобедренного сустава, Леша знал, что получает в спутницы жизни инвалида. Новобрачные не унывали, ведь сейчас протезирование тазобедренного сустава – рутинная операция. Но пока выжидали положенный срок, Тося забеременела и операцию отложили на «после родов». Увы, после родов новая беременность не заставила себя ждать. В результате дети съели все невеликие заначки. Кроме того, в семействе произошло еще одно незапланированное прибавление – под предлогом ухода за детьми из Петербурга прикатила мама Балахонова, которая вскоре обернулась немощной старушкой, требующей непрерывной заботы. Причем не только немощной, но и неимущей. Однажды Леша намекнул маме, что она получает пенсию, а в ответ услышал – такую маленькую, что об этом не стоит даже говорить. «Очевидно, – предположил Леша, – существует специальный указ президента, чтобы моей маме не повышать пенсию никогда». Ни при каких обстоятельствах сдавать питерскую квартиру старушка не желала: «Как это, в моем родовом гнезде будут жить чужие люди?» А еще время от времени начинала вздыхать и жаловаться, что ее сын женился на инвалидке и как теперь все из-за этого мучаются.

Между тем на ее сберкнижке наверняка скопилось достаточно пенсий, чтобы оплатить Тосе операцию и дать сыну то, о чем она так для него мечтала, – здоровую жену.

«Бедняга Тося, – подумала Вика, со всей возможной деликатностью устраивая молодую женщину в шезлонге. – Еле ходит, а обслуживает семью из пяти человек, да еще на работу рвется. Правда, безуспешно – никому не нужен инвалид с двумя маленькими детьми и незаконченным высшим».

Вот и сейчас Тося первым делом заговорила о работе:

– Вика, вам в клинику администратор не нужен?

– К сожалению, нет.

– А ты не можешь поспрашивать?

– Хорошо, Тосенька, обязательно.

«Ну и сволочь Леша! Ладно, жена была бы неизлечимо больна, так нет! От полноценной жизни ее отделяет всего лишь некоторая сумма денег, которую Балахонов вполне способен

заработать. А он прекраснодушничает. Нечего было жениться с такими моральными устоями! Да, в общем, и занимать место заведующего тоже ни к чему». Бескомпромиссный Алексей не участвовал ни в каких аферах больничной администрации, и это отражалось на распределении премий: хирургическому отделению не доставалось даже крошек от пирога. И пусть любая санитарка была уверена, что Балахонов горой за нее стоит, что толку? В финансовом выражении его забота о подчиненных равнялась нулю. Будь он более гибким, отделение получало бы хоть что-то, а так... Леша своей непробиваемой честностью срывал выгодные сделки – начальство мстило экономической блокадой.

«Господи, как же все у нас устроено! „Нужно думать о подчиненных, – понимает самый честный молодой руководитель. – Я обязан заботиться о вверенных мне людях“. Одна уступка начальству, другая... Он пока еще ничего не взял себе, пока честный, но уже вовлечен в порочный круг, „замазан“. А потом ему говорят: „Возьми, это твое. Заработал“. Он берет и окончательно становится „своим“. Теперь можно двигать его по карьерной лестнице. И пряник ему пришелся по вкусу, и кнут на него есть – лежит в уголочке на всякий случай.

Может быть, Балахонов и прав... Он свободен, никому ничем не обязан и может принимать те решения, которые считает нужными».

Как хорошо, что сама Вика отказалась от карьеры чиновника, стала отличным специалистом и теперь честно зарабатывает свой хлеб!

Тося вывела ее из раздумий:

– Меня любая зарплата устроит.

– Зачем тебе любая? – Вика оглянулась, думая, чем бы занять детей. В ее хозяйстве не было ничего для них интересного – ни собаки, ни кошки, ни игрушек. Заскучав, девочки начнут терзать мать, а Вике хотелось, чтобы Тося отдохнула.

– Сейчас, подожди минуту! – Она убежала в дом и вернулась с коробкой бижутерии.

В юности Вика любила украсить себя всякой ерундой, потом перешла на золото. Если девочки и заиграют какой-нибудь браслет, не жалко.

– Так зачем тебе любая зарплата, Тося? Извини, что касаюсь этой темы, но тебе вредно напрягаться. Из-за хромоты у тебя страдает весь скелет, могут начаться проблемы с позвоночником. Дождись уж операции, а потом спокойно устраивайся на нормальную работу.

– Я не надеюсь, – улыбнулась Тося. – В нашей семье деньги тают, как айсберги в Гольфстриме. Леша пашет на две ставки, я его дома почти не вижу, а поди ж ты... Только отожмешь тысячу, обрадуешься, сразу извольте – поборы в садике. Или мамаша сходила к врачу, а он прописал ей дорогое лекарство. Да еще и убедил, что без этого препарата она буквально не дотянет до утра. А стоит Леше заикнуться, что лекарство – дрянь, сразу шоу с помирашками.

Вика сочувственно кивнула.

– Достает она тебя?

– Не то слово! Формально у нас мир, но это такой мир, как у Америки с каким-нибудь, я не знаю... Гондурасом, что ли. Мы уважаем вашу свободу и независимость, но если вы не будете делать, как мы хотим, сразу вас ядерными ракетами закидаем.

– До боли знакомо, – фыркнула Вика. – Увы, свекровь всегда Америка, а невестка – Гондурас. Неужели мы такими же станем в старости?

Она вдруг подумала об Андрее. Вряд ли его решение переехать нашло сочувствие в сердце Эльвиры. Та ведь привыкла, что сын при ней, а противная невестка не путается под ногами.

Вика вдруг разволновалась. Почему она сразу не подумала о реакции свекрови? А вдруг она так надавит на Андрея, что тот даст задний ход? «Ведь это будет значить... это будет значить, – сообразила Вика, – что я ему вроде как и не жена!»

Она быстро набрала номер Андрея:

– Не разбудила?

Ответом ей был сладкий зевок. Вика приободрилась. Так безмятежно зевать может только человек с чистой совестью.

– Оттянулся вчера?

– Не то слово!

– Серьезно?

– Да ну, ты что! Тупо выгулял Ирку.

– А как с рекламой?

– А так, что пока всей шайке зубы не вылечу, скидок не дождусь. Потерянный день, любимая.

– Милый, а ты сказал родителям о нашем решении?

– Сказал.

– И?

– Что – и? Разрешили ли они мне жить с собственной женой? Я их об этом не спрашивал. Просто сообщил.

– И мама не возражала?

– Ты маму не знаешь? Конечно, возражала!

– Корвалол?

– Стаканами!

– Валидол?

– Горстями!

– А ты?

– Я сказал, если она так плохо себя чувствует, ей нужен не сын, а доктор. Я же не бросаю ее одну, с ней отец, домработница. А если ей требуется именно мое постоянное присутствие, хорошо, я останусь и приведу в дом жену, причем на правах хозяйки. Ведь тяжелобольному человеку не под силу управлять домом.

Вика присвистнула. Вот что делает с человеком собственный бизнес! Интеллигентный мальчик преобразается в решительного и самостоятельного мужчину. Кажется, Гондурас заручился поддержкой другой ядерной сверхдержавы, и дела его пошли на лад.

– Не слишком ли жестоко ты говорил с мамой? – спросила она, как снисходительная победительница.

– Может быть... Только сил нет больше! Сколько себя помню, вечно у нее большое сердце! «Ах, сыночек, как же ты пойдешь в клуб, мама будет волноваться, а ей нельзя, у нее большое сердце! Не дружи с Мишей, он плохой мальчик, мама так переживает, что он тебя втянет в дурную компанию, а у нее...» – и далее по тексту. Конечно, ей нельзя волноваться. Если взволнуется, мало не покажется никому. Я бы уже сегодня перебрался, только это будет похоже на бегство. А я хочу, чтобы мы разъехались мирно.

– Бедный ты мой!

– Не переживай, любимая. Родители рано или поздно смирятся с нашим решением.

Отсоединившись, Вика довольно ухмыльнулась. Андрей вполне может проводить мастер-класс «Как ставить на место зарвавшихся родителей». Балахонову есть чему у него поучиться. А вот, кстати, и он. Долговязая фигура от калитки помахала Вике рукой и устремилась к жене. Леша устроился прямо на траве возле Тосиноного шезлонга. Он очень любил жену, но сейчас его нежный взгляд, обращенный к Тосе, вызвал у Вики не обычное умиление, а раздражение. «Тебя бы не любил бы я так сильно, когда превыше не любил бы честь!» – знаем, знаем. Пафосная отмазка. Если любишь – укради, убей, но не позволяй жене мучиться!

– Как дежурство? Оперировал что-нибудь?

– Не-а. Одни битые рожи. С винцом в груди и жаждой мести. – Леша со вкусом потянулся. – Я бы даже поспал, но в третьем часу заявила Лариска. Такой фонарь под глаз муж ей навесил, это что-то! Не фонарь, а прожектор перестройки.

– Да ты что? – Вика искренне расстроилась.

– Ужас. Она, конечно, в шоке. Собирается разводиться. Причем, как я понял, не из-за фонаря, а потому, что муж разнес ее любимый комод. Пришлось до утра ее утешать, но чем тут утетишь? Вся жизнь потрачена на идиота, а теперь ему еще половину имущества отдай. Оно же юридически совместно нажитое, хотя всем известно, что добытчиком в семье была только Лариска. Но попробуй, докажи это суду.

Сочувственно поцокав языком, Вика принялась накрывать на стол. Балахонов намекал на шашлыки, но мангала у Вики не было, а устраивать кострище на своем прекрасном участке она не собиралась. Готовая пицца и салаты на свежем воздухе пойдут ничем не хуже. Из кухни она позвонила Ларисе, пригласила приехать, развеяться и залить горе. Та отказалась, наверное, стеснялась своего вида. Вика уговаривать не стала – наоборот, вздохнула с облегчением. Тратить день на утешения не очень-то хотелось. Она, конечно, переживала за Ларису, сочувствовала Тосе, но их неурядицы лишь подчеркивали личное Викино счастье. Так человек особенно ценит уют и тепло дома, когда за окном бушует вьюга или льет проливной дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.